

Артур Ахметшин

г. Кемерово

Честный обмен

Саня выворачивает руль вправо, а затем резко влево, и мы уходим в занос. Хватаюсь за что могу. Из динамиков долбит Санин любимый «Сектор Газа». Не знаю что за песня, но, кажется, «Туман». Саня хихикает с сигаретой в зубах. Его безумные глаза полыхают, как два астероида, несущихся к Земле на полной скорости. Он продолжает

выруливать. Мы выравниваемся, а потом уходим в новый занос, но уже другим боком.

– Чтоб тебя, Саня! Ты обалдел, что ли?! – перекрикиваю музыку, держась за бардачок. Чёрт, ещё и пристегнуться забыл! Смотрю на Саню – он даже и не думает о ремне безопасности.

– Да круто! – отвечает он и переключает передачу. Я не понимаю, что он делает, но автомобиль снова выравнивается и едет вперёд с такой скоростью, что меня вдавливают в сиденье. Сердце колотится в такт песне.

– Смотри, как шестёрка тащит!

– Да с ума сойти, братиш! – только и успеваю ответить.

Трудно поверить, что обычная шестёрка способна на такие финты. Не зря Саня проводит под ней все выходные, разбирая и собирая заново детали, о существовании которых я даже не подозреваю.

Саня выворачивает руль влево и дёргает ручник. Мы разворачиваемся на сто восемьдесят градусов и глохнем посреди дороги. Хорошо что на дворе час ночи.

– Приехали! Полицейский разворот! – кричит Саня, ударяет кулаком потолок шестёрки и хохочет. Ему плевать, что полицейский разворот не удался.

Его смех заражает меня, и я тоже начинаю смеяться, как сумасшедший. Чёрт! Он нас чуть не угробил! Было весело, но в последнее время Саня зачастил с опасным вождением. Меня это пугает, но, может, он переберется? Пацаны тоже пока ломают голову, с чем это связано, но позволяют Сане безумствовать. Не остановят же они взрослого, двадцативосьмилетнего парня. Пускай делает что хочет. Тем более его отец, Фёдор Олегович, может одним своим словом всё это прекратить. Странно, правда, что до сих пор не прекратил.

– Эх, жаль продавать! – с горечью в голосе говорит Саня, заводит шестёрку и отъезжает во двор. Не знал, что он планирует расставаться с ней. Может, устал постоянно чинить и денег на детали уже не хватает? Да нет, он всегда где-то находил и детали, и деньги... Мы молча доезжаем до его парковочного места, и я спрашиваю:

– Мужик, что с тобой происходит?

Не хотелось спрашивать в лоб, но иногда это – лучшее решение. Не глядя на меня, Саня отвечает:

Артур Ахметшин родился 11 ноября 1994 года в городе Кемерово. Писатель и журналист, работает на Радио Кузбасс FM ведущим вечернего прямого эфира и автором программ, руководитель литературной студии «71-й дом» при Библиотеке для детей и молодёжи Кузбасса. Рассказы опубликованы в толстых литературных журналах «Сибирские огни» и «Огни Кузбасса». Участник и победитель межрегиональных и международных литературных фестивалей. Победитель регионального молодёжного литературного фестиваля-конкурса «Оперение» в секции «Проза». Прошёл обучение писательскому мастерству в московской литературной мастерской Creative Writing School на базовом курсе прозы, который ведут Майя Кучерская и другие московские писатели и филологи. Получил сертификат с отличием.

– Да ничего.

– Давно в чат общий с пацанами не писал ничего. Нам уже кажется, что ты убиться хочешь. Что случилось?

– Да ничего не случилось, задрал!

Он выходит из машины и захлопывает дверь. Я сижу один. В шестёрке пахнет бензином. «Классика!» – так сказал Фёдор Олегович, когда впервые сел в машину и вдохнул этот запах полной грудью. Именно он и купил её Сане на восемнадцатый день рождения. Помню, Фёдор Олегович спросил меня, когда пойду учиться на права, а я сказал, что не знаю. Он взял с меня слово, что в течение года я должен хотя бы начать учиться в автошколе, но этого так и не произошло. Мне хватало уроков от Фёдора Олеговича. Благодаря ему я умею водить, но прав у меня до сих пор нет.

Десять лет я всё пытался копить деньги, чтобы и на права отучиться, и машину сразу купить, но они постоянно утекали, как вода через пальцы. Только последний год получилось накопить двести тысяч, но теперь у меня уже были другие приоритеты. Первоначальный взнос по ипотеке сам собой не появится.

За десять лет шестёрка так и не изменилась. Даже стала как будто лучше. Неспроста – последние два года Саня работает днём в автомастерской, а вечером – в собственном гараже. Не вылезает из-под машины и помощи не просит. Меня удивило, когда он несколько часов назад позвал покататься с ним. Я без промедления согласился.

Выхожу из машины и говорю:

– Ладно, прости, что под кожу лезу. Может, пива выпьем?

Саня долго смотрит на меня, затем говорит:

– Давай. Только до круглосуточного пешком пойдём. Весь день под машиной провалялся – прогуляться хочу.

Да, прогуляться надо обязательно, ночь сегодня тёплая. Лето на дворе. Благодать. Через двадцать минут неспешной ходьбы мы уже стоим в магазине. Клиента от продавца и товара отделяет железная решетка. Смотрю на это, и меня одолевает необъяснимая тоска.

– Две вон те бутылочки по ноль пять, пожалуйста, – говорит Саня, указывая на пиво в холодильнике. Фёдор Олегович не любит, когда Саня приходит домой пьяный. Видимо, его старик не в настроении, поэтому Саня взял каждому всего по одной бутылке. Ладно, я тоже не против. Этого хватит, чтобы освежиться.

А ведь я ни разу не видел Фёдора Олеговича пьяным. Даже поддатым. Мужик он простой, работающий. Всю жизнь отпахал на стройке, а сейчас – на пенсии. Саня – его поздний и единственный сын. Я всегда завидовал ему. У меня отца не было. Точнее – был, но я его не знал. Ушёл куда-то, когда мне было два года.

Выходим из магазина.

– Пойдём в парк? – предлагает Саня.

– Пойдём.

Открываем бутылки о скамейку напротив магазина и идём.

– Знаешь, я давно уже так не выбирался с другом... – говорит Саня, а затем добавляет: – с лучшим другом.

Я ухмыляюсь и вытягиваю руку с бутылкой. Он стучает свою бутылку о мою, и мы выпиваем.

Неожиданно в нескольких метрах от нас пролетает автомобиль на полной скорости. Режущий ухо скрежет тормозов пугает меня. Инстинктивно хватаю Саню за плечо и отскакиваю в сторону от дороги. Машина врезается в фонарный столб, стоящий невдалеке, с оглушительным грохотом. Осколки стёкол разлетаются в разные стороны. На дороге темнеет след от шин.

Смотрю на Саню – он тяжело дышит и, не отрываясь, смотрит на искорёженное железо. Выбрасываю пиво и подбегаю к машине. За рулём сидит мужчина. Он в крови и без сознания. Телефон каким-то образом сам оказывается у меня в руках, звоню в скорую. Уставшим голо-

сом отвечает женщина. Я всё подробно объясняю, отвечаю на все вопросы на автопилоте и зачем-то добавляю, чтобы срочно приехали. Пообещали приехать с минуты на минуту. В это время Саня открывает дверь автомобиля, чтобы вытащить водителя.

– Не трогай его! – кричу. – Обалдел? Вдруг у него перелом позвоночника?

Саня кивает и отходит. Не может отвести глаз от мужчины за рулём, который не приходит в сознание. Я подхожу к нему поближе, приглядываюсь и понимаю, что он ещё дышит. Живой.

– Саня, он живой. Сейчас скорую дождёмся только.

Он снова кивает и продолжает смотреть на водителя. Выругавшись, я сажусь на обочину, подзываю Саню. Он подходит и садится рядом.

– Кошмар какой-то, – вздыхаю. – С тобой то же самое будет, если лихачить не перестанешь, – медленно проговариваю я и понимаю, насколько это по-родительски звучит. Олег Фёдорович оценил бы.

Саня смотрит на асфальт и молчит, а затем отвечает:

– Я всё понимаю, Андрюх.

Снова молчим и смотрим на разбившуюся машину. Кусочки фар вместе с осколками стёкол разбросало по всей дороге. Металл автомобиля будто обнимал фонарь. Если водитель не останется инвалидом – ему крупно повезло.

Фёдор Олегович, наверное, будет гордиться, если Саня расскажет ему, что мы не бросили человека в беде. Да и кто смог бы бросить? Он всегда учил нас, чтобы мы не только помогали другим, но и стояли горой друг за друга. Может, Саня забыл об этом и поэтому больше года мне не писал и не звонил? Жизнь нас разбросала, но мы остаёмся всё теми же пацанами из одного подъезда. Как же он этого не понимает?

Вижу, как на горизонте появляется скорая. Мигалки выключены. Правда, зачем они? Ночь на дворе.

– Как быстро. Это хорошо, – говорю я, чтобы заполнить напряжённую тишину.

Неожиданно Саня тихо проговаривает, как будто самому себе:

– Андрюх, сейчас со скоряком разберёмся и пойдём до меня. Хочу тебе кое-что показать.

– Саня, я ни черта в тачках не понимаю...

– Я не про гараж.

В гостях у Сани я не был давно. А ночью идти туда – особенно странно. Но я вижу, что ему это необходимо.

– Хорошо. Не вопрос, – говорю.

Скорая подъезжает прямо к искорёженному автомобилю. Из неё выбегают фельдшеры.

– Вам нужна помощь? – спрашиваю.

– Нет. Вы уже и так помогли, – отвечает парень, не обращая на меня внимания.

Саня поворачивает ключ – слышится знакомый скрежет. Я до сих пор не понимаю, почему ночью буду гостить у Сани – по дороге он так ничего и не объяснил. Да и я не спрашивал. Поговорили только про его шестёрку и о том, что он хочет её продавать, да всё никак не может решиться. Думал поставить ценник не больше ста тысяч с торгом. Отдал бы за восемьдесят. Я только кивал. Откуда мне знать, сколько машины сейчас стоят?

Саня всё также живёт с родителями. Дома у него пахнет, как и несколько лет назад, старой мебелью вперемешку с луком, который его родители всегда хранят в чулане возле шкафа. Я вспоминаю, как ездил к ним на дачу и помогал Сане с Фёдором Олеговичем садить картошку. Не за просто так – несколько мешков мне тогда тоже перепало. Отец у Сани – честный мужик.

– А у тебя ничего не поменялось, – говорю.

– Не совсем, – отвечает Саня и включает свет в коридоре.

На шкафу, зеркале и дверях наклеены стикеры. Я слышал, что так учат английский язык – чтобы запомнить слова, клеят стикеры с наименованием предметов на сами предметы.

– Ты что, иностранный учишь какой-то? – спрашиваю с улыбкой. – За границу намылился?

Саня с серьёзным лицом мотает головой. Я подхожу к двери в зал. На стикере написано: «Зал». Подхожу к зеркалу – там надпись: «Зеркало. Смотреться, причёсываться». На дверце шкафа висит записка: «Шкаф. Верхняя одежда».

– Это что такое, Сань? – спрашиваю.

– Это для отца. Пойдём в зал.

Мы проходим, усаживаемся на диван. Саня достаёт телефон и включает видео, в котором его отец с растерянным взглядом озирается, не понимает, где находится, хоть и сидит на том же диване, что и мы с Саней.

– Мужчина, кто вы? Где мой сын? – спрашивает Фёдор Олегович из телефона, глядя в упор на Саню.

– Это я, пап, – терпеливо отвечает Саня.

– Нет, моему сыну ещё восемь лет! Он в школу только недавно пошёл! – искренне удивляется Фёдор Олегович.

Мне тяжело на это смотреть. Я поворачиваюсь к Сане и спрашиваю:

– Зачем вы это снимали?

– Для врачей. У отца раньше было всё относительно в порядке, а потом – бах! – и такой провал. А потом – опять всё хорошо. Как будто и не было ничего. Я боялся, что врачи не поверят, и попросил маму это заснять.

– Боже... – Я закрываю свой рот ладонью и не могу это всё осознать.

– У него Альцгеймер.

– Как он сейчас?

– Хуже. Почти перестал разговаривать. Никого не узнаёт.

Я смотрю на дверь балкона и замечаю на ней замок.

– А это?.. – я указываю на замок.

– Это чтобы он не вышел туда и случайно не выпрыгнул. Всё-таки шестой этаж.

– А как всё началось?

– Началось года два назад. Сначала были секундные провалы какие-то. Думали, что просто приколы такие, – неопределённо говорит Саня. – Мы с ним разговаривали, а он резко спрашивал, сделал ли я уроки, – Саня приподнимает бровь. – Ну какие уроки? Я в школе уже сто лет не был.

– Да понятно, – говорю я. Разглядываю комнаты и нахожу всё новые стикеры. – Помогает? – киваю на очередной стикер на шкафу.

– В последнее время – не особо. Скоро, наверное, только на дверях оставим, чтобы хотя бы туалет с залом не путал...

Встаю с дивана. Не могу сидеть и думать об этом.

– Я могу поговорить с мамой, она посоветует хороших врачей, чтобы нормальный уход назначили. Может, сиделок поможем найти.

– Спасибо, – говорит Саня. – Я не хотел тебя напрягать, просто... Не с кем было этим поделиться последние два года, вот и... В общем, не парься, мы с мамой справимся.

Я медленно с шумом выдыхаю, как будто спускаю шину.

– Не пойму, почему ты постоянно в гараже торчишь?

– Эта шестёрка... Андрюх, это именно папа мне её купил.

– Я помню, Сань. Ну и что?

– Хочу сохранить хотя бы её в хорошем состоянии. Может, продать подороже получится. Деньги на сиделок нужны всё-таки, на подгузники... Да Бог знает на что ещё!

Я смотрю на Саню и понимаю, что ему нужно быть не с воспоминанием его отца, а с настоящим отцом, с тем, который лежит в соседней комнате и не понимает, что с ним и где он.

Да и убьётся Саня на этой шестёрке раньше, чем решится наконец её продать.

– Я покупаю у тебя машину.

– Чего? – Саня не верит.

– Я говорю: покупаю машину твою.

– Ни за что.

– Тебе нужны деньги на уход за отцом?

– Нужны.

– Он ведь и мне был как отец, Сань, – делаю паузу, а затем добавляю, – значит, покупаю.

– Ты не потянешь, – Саня улыбается.

Я достаю телефон, открываю приложение банка. В накоплениях лежит двести тысяч рублей на первоначальный взнос для ипотеки. В этой жизни точно не накоплю на квартиру. Ничего, поживу в съёмных квартирах, не сломаюсь. Перевожу деньги Сане. У него вибрирует телефон. Он смотрит на экран и его глаза округляются.

– Ты сдурел?

– Мне нужны ключи. Документы оформим завтра.

– У тебя ведь нет водительских прав!

– Будет повод их получить, а водить я умею. Отец твой научил, помнишь?

Саня мотает головой, нервно усмехается, открывает приложение банка, но я выхватываю его телефон. Саня начинает со мной бороться. Я его отталкиваю и отхожу на безопасное расстояние.

– Ключи в обмен на телефон, – я вытягиваю свободную руку.

Сане ничего не остаётся. Он кладёт ключи мне в руку, я отдаю ему телефон.

– Ты сумасшедший.

Я довольно киваю и говорю:

– Потом научишь меня всем этим трюкам с тачкой. А пока – занимайся лучше отцом. Ему ты сейчас нужнее, чем шестёрке. О машине позабочусь лучше я с пацанами.

Саня встаёт и жмёт мне руку.

– Спасибо, Андрюх. Не знаю, как...

Я его перебиваю:

– Тебе спасибо. Там шестёрка, наверное, в идеальном состоянии. Ещё не один десяток лет проживёт при должном уходе, – я хлопаю Саню по плечу.

– Да, точно проживёт.

